

В этом плане скаутингу, как массовому движению, направленному на становление личности, готовой в экстремальной ситуации взять на себя ответственность, в современном мире нет альтернативы.

ЛАТЬШЕВ Ю.В.

г. Новосибирск

ОБ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ КОМИЧЕСКОГО, СМЕХА И ЮМОРА

В настоящее время наблюдается всплеск числа исследований в области смешного. Однако эти исследования сталкиваются с проблемой многозначности и избыточности в существующем на сегодняшний день наборе категорий. Подобная ситуация неудивительна в науке, в частности потому, что термины из области юмора чрезвычайно широко трактуются обыденным сознанием. Что такое юмор, понимают все, однако отыскать совпадающие понимания достаточно сложно. Как отмечает Р.А. Будагов, «ни в одном современном языке ирония и юмор не выступают как строгие термины с однозначными значениями»¹. Еще один корень проблемы видится в том, что феномены смеха, смешного, юмора рассматриваются с позиций различных частных наук, каждая из которых использует свой категориальный аппарат. Термины смешного в таких системах формируют свое значение во многом под влиянием сложившегося набора частнонаучных категорий. Возьмем, к примеру, юмор. Психология связывает этот термин с чувством юмора и рассматривает его как проявление неких психических механизмов. Эстетика определяет его как разновидность комического в ряду с иронией, сатирой и сарказмом. Отношением человека к миру, разновидностью мировосприятия нередко выглядит он в работах философов. В прикладных социальных исследованиях четкой иерархии терминов смешного не существует. Мы попытаемся восполнить этот пробел.

В исследованиях юмора четко прослеживаются две противоборствующие тенденции: стремление рассматривать его в целостности и попытка выделения составных частей. С одной стороны, юмор – это цельное явление, которое сложно разложить на составляющие. Еще В. Даль в своем словаре «Живого великорусского языка» отмечал, что это «складка ума», позволяющая резко, но безбидно подмечать странности нравов или обычаев. Он фактически трактовал юмор как мировоззрение, не устанавливая границы с иронией, отмечая, что юмористическая похвала может быть хуже всякой брани. Во многих трудах при рассмотрении проблем смешного какой-либо один термин используется в качестве всеобъемлющего, «зонтичного», покрывающего все стороны изучаемого объекта. Как правило, в роли таких категорий выступают понятия «смех», «юмор», «смешное».

В то же время, критика подобного подхода полагает, что рассматриваются феномены, слишком различные, чтобы быть объединенными под одним названием. Жан-Поль впервые ввел разделение на юмор и сатиру, а Гегель заговорил об иронии. Далее исследователи пошли по пути диверсификации научного знания: производились и производятся попытки вычленить из глобального явления составные части для дальнейшего изучения. С одной стороны, подобный подход представляет весьма действенный научный инструмент, однако с другой стороны, существует опасность некорректного вычленения из системы отдельных элементов, изолированное изучение которых может привести к невалидным результатам. Автору близка точка зрения А. Бергера, заметившего по этому поводу: «Расчленение юмора – это очень интересная операция, в ходе которой пациент обычно умирает».

В итоге на сегодняшний день противоборство различных научных школ и неразработанность категориального аппарата сферы смешного в новых отраслях знания привели к тому, что для обозначения одного явления в различных работах употребляются термины: «смешное», «комическое», «юмор», «смех», «остроумие». Так же справедлива и обратная картина, когда

один термин у разных авторов несет различные смыслы. Широкий разброс в определении места «иронии» и «сатиры» относительно перечисленных выше понятий. Данная проблема, впрочем, типична для многих отраслей социальных исследований. Специфика общественных наук по отношению к естественным, по мнению Ф.У. Ригсаⁱⁱ состоит в многозначности понятий, в силу чего обществоведческий словарь оказывается полисемичным, а обнаружение однозначных дескрипторов – невозможным. Попытаемся упорядочить существующий набор понятий и предложить удобный для социальных исследований категориальный аппарат.

На основании изучения словарей, энциклопедий и научной литературы был сделан вывод, что наиболее общей категорией в области смешного является смех. Ей оперировали первые исследователи смешного в социологическом аспекте: Бергсон, предложивший рассматривать смех как «вид общественного жеста», и Г. Спенсер. Вероятно, тому существует несколько причин. По всей видимости, этот термин появился в человеческом вокабуляре раньше иных, как взятый из непосредственного наблюдения за сферой физических проявлений деятельности человека, в отличие от потребовавших осознания состояний духовной жизни «юмора», «сатиры», «комического». Хотя история появления первых человеческих сигналов до сих пор изучена довольно слабо, в доказательство этого тезиса можно привести достаточно авторитетную теорию, которую поддерживает, в частности, Л. Нуаре, утверждающий, что «первослова» обозначали действия, а не предметыⁱⁱⁱ. К тому же, все исследователи сходятся в том, что сигналы, обозначающие проявления духовной активности, появились в более поздний период.

Внешние проявления смеха изучены достаточно хорошо, однако механизм его возникновения и роль в духовной жизни понимаются неоднозначно. В толковом словаре Ожегова и Швецовой смех определяется как «короткие характерные голосовые звуки, выражающие веселье, радость, удовольствие, а также насмешку, злорадство и другие чувства». Сколь точное, столь малоинформативное определение дается Брокгаузом с позиций физиологии: «Смех, физиолог., сост. из дыхательных движений в связи с определенной мимикой, то есть с движением (игрой) мышц лица». В иных словарных статьях помимо физиологического аспекта неизменно подчеркивается «внешний» характер изучаемых сторон смеха: он представляет собой наблюдаемое выражение определенных чувств. Причем так же неизменно перечисление этих чувств заключается фразой: «и другие». Примечательно, что чувство юмора в этом списке не упоминается.

В настоящее время большинство исследователей принимают разграничение смеха на физиологическую и духовную области. Первая фактически полностью оккупирована представителями естественных наук: биологии, физиологии и психофизиологии. Смех данного рода (воплощение полноты бытия, жизнерадостный смех ребенка, смех от щекотки) не требует аудитории, и потому социальные науки обходят его стороной, предпочитая оперировать второй сферой, которая обычно трактуется в традициях эстетики как область смешного, или комического. Эта область представляет собой систему, в которой существует объект комического – собственно, комическое или смешное (эстетика по большей части изучает именно его); субъект – тот, реагирует на комическое смехом (его обычно изучают психологи) и взаимосвязи между ними, формы и способы, в которых комическое из непосредственного опыта переносится в сознание субъекта. Это различные жанры юмора – анекдоты, частушки, шутки, афоризмы. Их структурой и прагматикой занимаются филологи, социологи используют их как фактический материал для изучения социальных общностей на различных уровнях.

Данная дихотомия видится нам уязвимой по двум пунктам. Во-первых, «физиологический» и «эстетический» смех непосредственно взаимосвязаны. Физическое состояние оказывает значительное влияние на склонность индивида к юмору, на силу его проявления и характер, а интеллектуальное удовольствие от социального смеха стимулирующе действует на физиологию. Во-вторых, смех от физиологических раздражителей и от комических стимулов охватывает далеко не все случаи смеха. Из рассмотрения выпадает вид социального смеха, который служит для обеспечения более эффективной коммуникации: это реакция улыбкой на улыбку, а не на комический стимул. В экспериментах Provine (1993)^{iv} лишь 20% смеховых эпизодов в группах были вызваны шутками (то есть, оценены внешними наблюдате-

лями как реакция на комический стимул). Это подтверждает точку зрения Foot и Chapman^v, утверждающих, что смех используется для поддержания нормального взаимодействия в повседневной жизни: заполнения пауз в разговорах и сохранения интереса и внимания собеседника, - гораздо более часто, чем в ответ на действительно комические стимулы. Игнорировать этот, прагматический, вид смеха в социальных исследованиях представляется нам непозволительным.

Объектом эстетического смеха традиционно называют смешное. Под ним понимают определенные фрагменты бытия, вызывающие смех у субъекта. Понятие смешного тесно связано с комическим. Часто их отождествляют, однако распространена и иная точка зрения. Впервые на различие этих понятий указал Гегель, подчеркнув общественную важность комического, по сравнению с просто смешным. М.С. Каган, напротив, полагает, что «комическое» является более широким понятием, чем «смешное». Так, острая сатира может быть не всегда смешна^{vi}. Данное утверждение требует комментариев. Сатира действительно может быть не смешна тем, на кого она направлена. Однако если она не вызывает смех ни у кого, следует усомниться, комическое ли это. Ведь основным отличительным признаком категории комического традиционно считался смех, в отличие от слез, вызываемых трагическим.

Более убедительной представляется противоположная трактовка соотношения данных терминов, которую поддерживают, в частности, Ю. Боров и А. Зись. Ю. Боров полагает, что «комическое» является частным случаем «смешного», «общественно значимым». В то же время, по Борову, смешны, но не комичны, балаганная клоунада, шутство, паясничанье, апеллирующие к примитивным чувствам и не обнажающие пороков общества.

Слабость подобной позиции видится в том, что сами ее сторонники зачастую противоречат друг другу в попытках различить, какое смешное «общественно значимо», а какое не попадает в эту сферу. Думается, что ту или иную социальную функцию выполняет все проявления чувства юмора. Еще А. Бергсон обращал внимание на то, что смех выступает инструментом общественного порицания, утверждения социально желательной нормы через осмеяние нежелательных форм поведения, внешности, идейных установок. Что же касается паясничанья, балаганной клоунады из примеров Борева, то и здесь нетрудно обнаружить социальную значимость. Для этого можно воспользоваться, например теориями снятия напряжения, начало которым было положено работами Г. Спенсера и З. Фрейда, утверждавшими, что смех, как таковой, вызываемый любыми стимулами, позволяет публике сбросить избыток психической энергии, которая в ином случае могла бы выплеснуться в актах агрессии.

Таким образом, мы приходим к выводу о нецелесообразности различения «смешного» и «комического». Анализ работ последнего времени: Т.Б. Любимовой, Т.Ю. Чубарян, В.М. Капацинской и др., – показывает, что эти термины в настоящее время используются, в основном, как синонимы.

А.Н. Лук в своей работе «Остроумие»^{vii} отмечает, что вопрос еще более усложняется, если рассматривать взаимосвязь не двух понятий, а трех: смешного, комического и остроумного. Остроумная научная гипотеза может быть вовсе не смешна, в то время как комическое – не быть остроумным. К счастью, А.Н. Лук тут же избавляет нас от необходимости решения данного вопроса, убедительно утверждая, что это явления различного порядка. Если смешное относится к имманентно присущим объекту смеха чертам, то остроумие – к субъекту смеха и характеризует особенности его мышления.

Комическое, в свою очередь, нередко делят на виды, среди которых обычно упоминают юмор, сатиру, иронию и сарказм. В эстетике в настоящее время доминирует классификация видов комического по отношению к объекту смеха. Ю. Боров^{viii} выделяет два полюса: юмор и сатиру, – между которыми располагаются остальные проявления смешного. Как отмечает М. Минский в статье Большой Советской Энциклопедии, «отношение Ю. к сатире определяется уже тем, что источником сатирического смеха служат пороки, недостатки как таковые, а Ю. исходит из той истины, что наши недостатки и слабости — это чаще всего продолжение, утрировка или изнанка наших же личных достоинств». Обычно юмор опреде-

ляется как добрый смех, принимающий объект в том виде, в каком он есть; сатира же – смех злой, нетерпимый к объекту и борющийся против него.

Как самостоятельный вид смешного нередко выделяют иронию, которая на шкале между юмором и сатирой находится где-то посередине: за внешне доброжелательной формой она скрывает отрицательное, критичное отношение. По образному выражению М. Минского в статье Большой Советской энциклопедии, разница между юмором и иронией лежит в «правилах игры»: ирония за маской серьезного скрывает смешное, юмор же – за маской смешного серьезное.

В.В. Капацкая^{ix} называет равноправными видами комического юмор, иронию, сарказм и сатиру. Т.В. Иванова^x, принимая «полюсность» юмора и сатиры, включает в континуум насмешку и шутку. М.Р. Желтухина^{xi} проводит разделение между юмором, иронией, сатирой и сарказмом по эстетическим, социальным, биопсихологическим и лингвистическим критериям. Т.Ю. Чубарян^{xii}, напротив, родовым понятием считает юмор, включающий в себя такие виды, как шутка, острота, насмешка и ирония, различающиеся по эмоциональному отношению к объекту речи, оценке субъектом свойств объекта, типу объекта речи, маркеру включения поиска истинного смысла высказывания, пропозиции адресата.

При рассмотрении данных работ складывается впечатление, что отечественные исследователи, приняв за данность гипотезу о различии юмора и сатиры, и учитывая наличие в русском языке множества терминов из области смешного, занимаются поиском обоснований, для того чтобы привести все известные им понятия в систему.

Необходимость построения подобной системы в социальных исследованиях выглядит сомнительной. Как известно, комическое, или юмор в широком смысле, принято рассматривать в трех аспектах: как свойство субъекта, качество объекта и как продукт взаимодействия субъекта и объекта.

Разделение видов смешного по принципу эмоционального отношения «производителя» юмора к «потребителю», несмотря на внешний объективизм эстетических теорий, фактически поддерживает первую точку зрения. Характер смеха (юмор, ирония или сатира) в данном аспекте определяется, главным образом, намерениями субъекта, которые стороннему наблюдателю оценить крайне сложно. Приверженцы этого подхода обычно приводят примеры конкретных ситуаций, вписывающихся в схему, однако такие, «чистые» состояния «юмора», «иронии» или «сарказма» в реальной жизни встречаются не так уж часто. Мы можем согласиться с идеей Ю. Боревым о существовании «континуума» состояний, некоей непрерывной шкалы, на полюсах которой находятся юмор и сатира. Однако проблема практического использования видится в том, что невозможно точно установить границу между явлениями, входящими в континуум.

Думается, геометрическую метафору Ю. Борева можно несколько расширить. Смех вообще не одномерен – это не линейный континуум между сатирой и юмором. Измерений несколько и рассматриваемый в данной системе координат объект крайне сложен. Каждый юмористический акт – это не точка в системе координат, но фигура, охватывающая ту или иную область пространства. Так, в одном высказывании можно запросто обнаружить элементы как из «юмористической», так и из «сатирической» части спектра смешного. Достаточно часто субъект, смеясь, испытывает к объекту смешанные чувства, в которых находится место и любви (тогда в категориях эстетики мы должны говорить о юморе) и ненависти (сатире). И вместо дистиллированных «принятия» или «непринятия» чужой позиции гораздо чаще встречается «частичное принятие».

Споры способны вызвать и выделение иронии по принципу наличия «второго плана», когда, формально делая комплимент, субъект подразумевает нечто не совсем объекту приятное. Существуют теории, по которым так называемая «двуплановость» является необходимым признаком любого вида юмора. В западной научной традиции устоялось определение вербального юмора, как состоящего из, как минимум, двух налагающихся друг на друга «скриптов», или интерпретаций. Если «план» всего один, то фраза «одномерна» и не допускает двойных толкований: это серьезность. В поддержку данной гипотезы свидетельствует и

признание существования в основе комического некоего противоречия, обычно, формы и содержания. Таким образом, при принятии данного определения исчезает основная образующая понятия иронии.

Итак, представляется, что противопоставление юмора, иронии и сатиры имеет ценность с позиций эстетического подхода, однако в социальных исследованиях не несет методологической ценности. Основной причиной этого следует назвать невозможности однозначной идентификации видов комического в эмпирических исследованиях.

Представляется, что все эти понятия могут рассматриваться под объединяющим началом термина «юмор». Польский философ Тшинадлэвский^{xiii} определяет соотношение юмора и комического следующим образом: комическое представляет собой свойство некоторых явлений действительности, а наше субъективное свойство восприятия этих явлений – это юмор.

Близок к подобному пониманию социологический подход, обозначенный А.В. Дмитриевым: «юмор – родовое понятие, включающее в себя то, что мы обычно называем сатирой, иронией, шуткой, пародией и т. п. Таким образом, если комическое – это качество определенных явлений жизни, то субъективное качество их восприятия – это и есть юмор»^{xiv}.

Если же развить данную позицию, приняв юмор в качестве системообразующего термина и респондов составляющие систему элементы, то ее можно будет сформулировать следующим образом. Комическое (или смешное) – это свойство объектов действительности, актуализирующееся через субъективное качество восприятия действительности: чувство юмора. Комическое, с помощью чувства юмора отраженное в сознании субъекта и преобразованное в материальную форму (шутки, карикатуры, анекдота, истории) определенным образом (иронично, саркастично) – это и есть юмор. Смех в данной структуре является физиологической реакцией на юмор. Однако следует помнить, что эта же реакция способна возникать и в ответ на иные стимулы.

ⁱ Булагов Р.А. История слов в истории общества. – М.: Просвещение, 1971. – С. 178

ⁱⁱ Ригс Ф.У. Информация и общественные науки: потребность в ономастике // Международный форум по информации и документации. — 1989. — Т. 14. — №1. — С. 12-20.

ⁱⁱⁱ Леонтьев А.А. Некоторые вопросы глоттогенеза в свете современных психологических данных: Сб.: Материалы VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (Москва, 1964, авг.).— М., 1964.— С. 6.

^{iv} Devereux, Paul G.; Ginsburg, Gerald P. Sociality Effects of the Production of Laughter // Journal of General Psychology, Apr. 2001, vol. 128, Issue 2, p. 227-241

^v Там же.

^{vi} Каган М. Лекции по марксистской эстетике. – Л.: ЛГУ. – 1971. – С. 200-201

^{vii} Лук А.Н. Остроумие (логико-эстетический и психофизиологический анализ перспективы моделирования). Автореф. дисс. канд. филос. наук. - Киев, 1967. – 16 с.

^{viii} Боров Ю.Б. О комическом. - М: Искусство, 1957. – 232 с.

^{ix} Капацинская В.М. Обучение студентов педагогического вуза речевым средствам создания юмора и иронии. Автореф. дисс. канд. педагог. наук. – Н. Новгород, 1996. - 18 с.

^x Иванова Т.В. Социально-перцептивная компетентность и ее развитие средствами рисованного юмора. Автореф. дисс. канд. психол. наук. – Самара, 1999. – 26 с.

^{xi} Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе. Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 31 с.

^{xii} Чубарян Т.Ю. Семантика и прагматика речевых жанров юмора. Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М.: МГУ им. Ломоносова, 1994. – 25 с.

^{xiii} Дземидок Б. О комическом.– М.: Прогресс, 1974. – С.9.

^{xiv} Дмитриев А.В. Социология политического юмора. – М.: РОССПЭН, - 1998. – С.5.